

«Я рано встал, недолги были сборы...»

О поэзии Николая Некрасова

Снежная, морозная зима. Вьюга намела серебристые сугробы-барханы - выше окон нашего невысокого деревенского дома. Буря бушевала ночью, а днем – ослепительный блеск сверкающего великолепия. Тугие, будто натянутые покрывала, снега, жемчужные, заснувшие в палисаднике, деревья.

Самое тёплое место в доме – лежанка, кирпичный прямоугольный выступ, обогреваемый печью. Привыкнуть к твёрдости каменной спины невозможно, хотя она покрыта домотканой попоной, а иногда, когда сильно нагревается, ещё и старым ватным одеялом.

На лежанке сушатся черные, жёсткие валенки, дремлет рябой, в потрёпанной шубе кот, здесь же множество предметов детского хозяйства – пустые катушки, лоскутки ткани, неработающий будильник без стрелок, несколько старых счетных палочек и разномастных пуговиц в самодельной шкатулке, сшитой из поздравительных открыток. Тут же большая, не помещающаяся на этажерке книга в голубовато-сером твёрдом переплёте – «Мороз, Красный нос». Мне читали её всего один раз, но я отлично помню содержание. Я знаю, что это – поэма, и что написал её Некрасов.

Книгой наградили в школе старшую сестру Тамару – за успехи в учёбе и примерное поведение. Плотная гляцевая бумага, крупные буквы, подробные иллюстрации во весь лист. Но теперь сестра относится к подарку без трепета - книга безжалостно «дорисована» братом. Савраска тащит сани, в которых поверх дров установлен пулемёт «Максим». Старик-отец, скорбно опустив голову, копает могилу тяжелым заступом, не замечая, что на дне «траншеи» лежат две гранаты-лимонки. Крестьянин Прокл похож на героя Гражданской войны – он перепоясан крест-накрест пулемётными лентами, за поясом у него – револьвер. Его жена Дарья, будто партизанка времён Великой Отечественной, вооружена карабином.

Брат Виктор старше меня на десять лет. «Разве можно рисовать в книгах?» – безмолвно возмущаюсь я. Мне ещё неведомо слово «гармония», но я чувствую, что красота разрушена, пусть даже «военная тема» исполнена братом с виртуозным мастерством – он знаток оружия и искусный рисовальщик. И все же насмешка над персонажами поэмы кажется мне почти святотатством. Удивляет, а позже восхищает дерзость брата – нет, я никогда не смогла бы так шутить над смертью!..

Здесь же, на лежанке, книгу Некрасова читала мне мама, а я, отвернувшись к стене, делая вид, что засыпаю, быстро утирала слёзы. Жизнь домовитой крестьянской семьи несла зерно надвигающейся трагедии. Дарья, Прокл, их дети Гришутка и Маша, суровый свёкор, знахарь, говоривший про больного, что «ещё положить под медведя, чтоб тот ему кости размял» - все эти люди были для меня живыми. «Мороз, Красный нос» - не сказка, а первый учебник страдания.

Днём, свернувшись калачиком на лежанке, глядя мурчащего, как трактор, кота, я смотрела на узорчатые, разукрашенные морозными кружевами стёкла окон и думала, что не надо настраиваться на какое-то особенное счастье – будет ли оно, нет – это ещё вопрос, а вот смерти и потери неизбежны. Это было первое взрослое открытие, сделанное с помощью Некрасова. Мне-то казалось, что Дед Мороз – новогодний волшебник, привозящий на тройке подарки детям. Вон как торжественно про него: «Не ветер бушует над бором, не с гор побежали ручьи, мороз-воевода дозором обходит владенья свои». А он – великолепно, как зима, царствующая за окном, и безжалостный, как стужа, убивающая птиц и зверей.

Но отчего же поэма казалась мне безусловной правдой? Только ли от детской впечатлительности? В конце концов, там же, на лежанке, была прочитана тонкая книжица Лермонтова с поэмой «Беглец» и сказкой «Ашик-Кериб». Картины из чужой кавказской жизни. Интересно, даже романтично, но не обжигающе достоверно. А тут казалось, будто сама крестьянка Дарья рассказывает свою жизнь перед уходом в морозное небытие. Изумительное, отточенное мастерство стиха, подлинность трагедии, подробность крестьянского быта, наглядность, художественность рисуемых картин, а главное, зримость создаваемых героев – нет, тут никто не мог поспорить с Некрасовым!

Поэма вошла в мою жизнь не как придуманный или сочинённый, а как реально существующий мир. Есть миллионы людей, моих современников, о которых я не имею ни малейшего представления, и они никоим образом не повлияли на меня. А вот Некрасов, как мифически-сказочный Дед Мороз, «околдовал» с первого знакомства...

Это был первый поэт, глубоко и сильно вошедший в мою душу. Я ещё не знала букв, не ходила в школу, из Пушкина запомнила лёгкое и приятное - «мороз и солнце, день чудесный» - эти стихи читала наизусть мама; ничего неясно было с Богом (икона Пресвятой Богородицы висела в красном углу, украшенная цветастыми, с райскими птицами, набожниками, но церковь в селе была закрыта и превращена в склад минеральных удобрений). Стал ли Некрасов опорой в жизни? Не знаю. Но то, что он повлиял – через столетие – на мою судьбу, теперь, оглядываясь на прошлое, очевидно. Повлиял сильнее, чем многие мои знакомые, друзья, писатели, ученые и даже родственники.

Удивительный факт – шагая по ступенькам школьных и вузовских учебников, читая воспоминания современников и исследования литературоведов, с годами я лишь «раскрашивала» тот контур, рисунок восприятия стихов Некрасова, который сложился у меня в детстве. Может, потому, что я сразу начала с вершины – одного из самых совершенных его творений? Меня, советскую девочку-интернационалистку, Николай Некрасов чудесно превратил в девочку русскую, не стесняющуюся, а гордящуюся своим крестьянским происхождением. (Точно так же, как Иван Никитин легко, несколькими строчками, пробил брешь в официальном школьном атеизме: «Это ты моя, / Русь державная, / Моя родина / Православная!»). Всё дело, конечно, в красоте слова, потому что красота не может быть ложью, она-то и есть настоящая правда! Но разве красота слова не соединена с красотой души человеческой?!

Так вот, все последующие вольные или невольные биографические разыскания и подпорки «по Некрасову», разумеется, расширяли кругозор и эрудицию, были полезны и познавательны, давали пищу уму и позволяли лучше понять людей и время, но всё-таки точнее всего о самом себе говорил поэт. Да и доверяла я Некрасову больше, чем его толкователям.

Стихи были самодостаточны, как, допустим, хрестоматийные «Однажды, в студеную зимнюю пору...» Они легко заучивались, ложились на память, будто уже существовали в высших, духовных сферах, а поэт их лишь открыл и явил миру, ничего не выдумывая и не искажая. Ну, допустим, как географы обнаружили Антарктиду, а физики – электричество.

Стихи про шестилетнего мальчика, везущего из леса «хворосту воз», тоже были студёными – «с клеймом нелюбимой, мертвящей зимы». И мною воспринимались трагически – мальютке самостоятельно приходилось управлять гружеными санями, лошадьё (это же не цирковая пони!), и вся эта операция по доставке дров проходила в сильный мороз – понятное дело, чтобы лежанка в деревенской избе нагрелась, надо немало потрудиться.

Не помню, под каким соусом подавали нам это произведение («тяжелый крестьянский труд в дореформенную эпоху» - так, что ли?), но если бы я преподавала русскую словесность, я бы сказала о мужественности стихов и о великой силе народной педагогики. Мальчонке лишь «шестой миновал» - мелюзга, дошкольник, а он уже кормилец, ответственный за семью! Работник, а не раб: с каким достоинством трудящегося человека, занятого полезным делом, он беседует с автором!

Русь во времена Некрасова была по преимуществу крестьянской, и удивительно, как поэт-дворянин, «рабовладелец» по рождению, мог с такой непритворной любовью, а часто и с восхищением, не говоря уже о сочувствии и уважении, относиться к людям ниже его по классу. (Как же это непохоже на нынешних «внезапных» российских богачей и их подпевал, именующих «простой народ» - быдлом!) По преданию, прапрадед поэта проиграл в карты семь тысяч крепостных, прадед - две, дед – одну, отцу проигрывать уже было нечего, но зато он не чурался «мелкого тиранства» в родовом поместье, а вот Некрасов написал перед смертью о себе, что пользовался крепостным хлебом только до 16 лет, далее он никогда не владел крестьянами, потому что «хлеб полей, возделанных рабами, нейдёт мне впрок».

Чувство любви к людям, независимо от их происхождения и родовитости, было для Некрасова естественным, и именно оно звучало в стихах. «Его послал Бог гнева и печали, / Царям земли напомнить о Христе», - эти строки из «Пророка», посвященного Николаю Чернышевскому, можно отнести и к самому поэту. Кто как живёт, тот так и пишет: да, он-таки стал со временем богачом, «барином», поднявшись к материальному благополучию из крайней бедности, но на стихах сибаритство никак не сказалось – до последнего дня! Значит, не в деньгах, заработанных собственным, а не крепостным трудом, была цель жизни этого умнейшего человека (ум Некрасова отмечали практически все, кто с ним близко общался, да впрочем, это видно и по стихам), не в славе – он едва ли не самый прижизненно почитаемый поэт в русской литературе, и даже не в «литературном деле» - это ведь Некрасов «развернул» само течение русской журналистики, возродив «Современник» и влив новую жизнь в «Отечественные записки». Но в чем же тогда? Почему в стихах его так много неизбежного, честного, тяжкого страдания? И почему, несмотря на «некомфортность» этой главной темы, стихи его неизменно вызывают отклик в молодых сердцах? Может, потому, что настоящий поэт всегда идёт путём Христа? Дорогой Христа, то есть любви: «Стихи мои! Свидетели живые / За мир пролитых слёз!»

И ещё: «Я призван был воспеть твои страдания, / Терпеньем изумляющий народ...»

Мне было десять лет, когда наша семья покинула родное село и переехала жить на окраину райцентра. Мы поселились в половине дома – тесной совхозной квартирке с печным отоплением и с небольшим двориком, где находились хозяйственные постройки и «удобства». Здесь, на улице Некрасова (официальный адрес!), я прожила семь лет – до поступления в институт.

В общем, это была та же деревня, что и прежде, только ближе к городу. Перед домом лежала просёлочная дорога, потом шел небольшой выгон, где привязывали коз, ещё дальше высились белёные извёсткой строения молочно-товарной фермы - там работал отец.

Легко, сами собой, ложились на сердце слова некрасовской «Тройки»:

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу –
Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг.
И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

Много раз, глядя на песчаную дорогу у дома, я твердила эти стихи, восхищаясь их красотой, наглядностью и музыкальностью. Они были и обо мне, конечно, точно описывая и мою задумчивость (частенько я бывала «в стороне от весёлых подруг»), и внешность: «На тебя заглядеться не диво, / Полюбить тебя всякий не прочь, / Вьётся алая лента игриво, / В волосах твоих, чёрных, как ночь».

Во всякой юной, мечтательной девушке живёт надежда на необыкновенную, романтическую любовь, которая возникнет внезапно, налетит, как тройка на дороге, и навсегда умчит «чернобровую дикарку» из бедного быта и нужды. Любовь разрушит предписанность и неотвратимость социальной судьбы!

Но чудеса случаются с единицами, а для большинства – извечная женская доля, черная работа, тяжелая жизнь. И потому:

Не гляди же с тоской на дорогу,
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!
Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, -
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

Это были стихи про мою маму: «От работы и черной, и трудной / Отцветёшь, не успевши расцвести, / Погрузишься ты в сон непробудный, / Будешь нянчить, работать и есть». Семья, четверо детей, крестьянский труд в совхозе, работа на огороде, хозяйство – нам нужны были деньги для постройки собственного дома. Мама вставала первой и ложилась последней, всех кормила, обшивала и обстирывала; всех любила, для каждого находила «гостинчик» и доброе слово, а душа её все время искала прекрасного, совершенного. Мама читала мне наизусть из Некрасова, Пушкина, Лермонтова, из Гоголя и Толстого, из Чехова и Горького. Она не щеголяла знаниями (перегруженная работой, она всё-таки находила время для книг, и читала много – до смерти), а естественно пребывала, помимо привычного быта, в другом мире – её несбывшейся жизни. Специально не уча, не наставляя, она словно передала, «перелила» в меня часть этой тонкой невидимой материи, к которой стремилась её душа.

Стихотворение «Тройка» - памятник в слове сотням тысяч, а может, и миллионам русских женщин – красивых, духовно одарённых, подчинивших свою жизнь семейному долгу. Но писал его Некрасов, скорее всего, «с натуры», рассказывая о конкретной женской судьбе. Может быть, о Катерине, крепостной девушке, которую привезла с собой мать поэта с Украины? А может, о судьбе самой матери? Она рано умерла, и в доме крутого норовом мужа жизнь её была тягостной:

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдёшь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Елена Андреевна Некрасова сыграла огромную роль в русской литературе – воспитала будущего поэта, который с благоговением воспел женщину-мать – труженицу, хозяйку, подвижницу. Она поощряла первые стихотворные опыты своего чуткого и отзывчивого сына, тайком высылала деньги в Петербург, когда Некрасов, не подчинившись отцу, решил идти не по армейской, а по литературной дороге, но главное, мать, не имея ни видимой власти, ни силы, ни богатства, одарила будущего поэта таким запасом духовной поддержки, которого ему хватило на всю жизнь. Мать дала ему жизненный стержень, стала недостижимым идеалом любви и самоотверженности.

Она умерла в 1841 году, когда поэту было 19 лет. Что он пережил, почувствовал?! (Отношения к отцу легко читаются в стихотворении «Родина», написанном в том же, что и «Тройка», 1846-м году: «И вот они опять, знакомые места, / Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста, / Текла между пиров, бессмысленного чванства, / Разврата грязного и мелкого тиранства...»)

Пройдут годы, и Некрасов умерит свой горький гнев к отцу, поясняя, что грубость нрава и необузданность поступков были обычны в помещичьей среде. Зато отец привил ему смелость, бесстрашие, научил меткой стрельбе, верховой езде... Но главное призвание

Некрасова – не страстно любимая им охота, и не карты, в которых он был удачлив. Поэтической натурой одарила Некрасова мать, и он будет это помнить до последних дней жизни.

А тогда, на заре туманной юности, настало черное время – вскоре за потерей матери последовал ещё один удар – умерла старшая сестра, Елизавета. Она была для Некрасова в семье самым близким, после матери, человеком.

Почему так: всё настоящее, великое, оплачено либо большим трудом, либо неизбывным страданием?!..

В жизни думающего человека ничего не бывает случайным – каждый шаг, поступок – частицы большой картины-мозаики под названием «жизнь». Что и говорить, полотна в результате у каждого получаются разные: бытописание, авангард, суровый реализм, бездушный дизайн...

В пору своей учебы на историческом факультете, вернувшись из Воронежа на каникулы домой, я купила в книжном магазине том избранных сочинений Некрасова. Строго говоря, он был мне не нужен: литературу уже «прошли», а стесненность в средствах заставляла беречь каждый рубль. Но все разумные расчеты отступили в сторону, когда я открыла книгу:

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.
Всё ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слёзы
С огорчённого лица.

Может быть, большая часть читателей – это несостоявшиеся писатели?!.. «Рифмованные звуки» в то время уже робко нарушали обычный труд, а сердце моё, да, было слишком мягким, чтобы решительно откликнуться на зов слова... Я любила стихи Некрасова – так, как любят свежее испечённый домашний хлеб, и потому мне была **нужна** эта книга. Зачем? Объяснить себе я это не могла.

Плотный, цвета тёмной морской волны том за 26 лет своей жизни совершил негромкое «кругосветное путешествие» - из провинциального Калача в Воронеж, оттуда, вместе с остальной библиотекой, в Москву, далее с одной квартиры на другую (позже, когда я готовилась к экзаменам в Литинститут, у меня был «свой Некрасов», «свой Лермонтов» и пр.), и вот теперь я привезла книгу домой, где пишу этот очерк, работая днём на огороде, а вечером погружаясь в знакомые строки:

Праздник жизни – молодости годы –
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени – не был никогда.

Мужественность поэзии Некрасова – поразительна. За простотой формы, некоторой прозаичностью изложения – «Нет в тебе поэзии свободной, / Мой суровый, неуклюжий стих!» - сколько честности, умения смотреть невзгодам в лицо, сколько спокойного достоинства, горечи и сожаления о том, что жизнь могла быть гораздо красивее и счастливее, и что это состояние обязательно перелилось бы в слово. Некрасов – предвестник разночинцев 60-х годов XIX века, людей, подобных тургеневскому Базарову, которые «сами себя сделали». Но – без ригоризма и самоуверенности, без «заигрываний с народом» и презрения к правящему классу. Потому что Некрасов – поэт, а поэт – это любовь к прекрасному, идеальному и недостижимому:

Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца
И венком терновым наделяет
Беззащитного певца...

Отправившись в Петербург в 16 лет с тетрадкой юношеских стихов, отказавшись от карьеры военного и лишив себя этим отцовской поддержки, Некрасов оказался на грани нищеты. «Три года я чувствовал себя постоянно голодным», - вспоминал он впоследствии. Это 1838-й, 1839-й, 1840-й... В ресторане на Морской улице, под видом чтения газет, он украдкой ел хлеб, выставяемый на стол хозяевами заведения.

Ярко горела на поэтическом небосклоне России в это время звезда поручика Лермонтова, а в петербургских углах и подвалах (были отчаянные моменты в жизни Некрасова, когда ему подавали нищие!) мужал новый поэт. Вот откуда природная достоверность зимней, студеной поэмы «Мороз, Красный нос»: в своей бедной молодости Некрасов познал жестокую власть и голода, и холода.

Знаний, полученных в четырех классах Ярославской гимназии, не хватило, чтобы сдать экзамены в университет. Дважды поступая, Некрасов оба раза провалился. Впрочем, за литературу он получит пятерку – от профессора Никитенко, который спустя годы станет его цензором.

«Университеты» Некрасова - газетно-журнальная жизнь: ему приходилось писать куплеты, рекламу, фельетоны, очерки, рассказы, повести, водевили, рецензии, переводить (не зная ни одного иностранного языка!); не было, пожалуй, жанра, которым бы он не пытался заработать на существование. Но главным оставались стихи. Знакомые собрали средства по подписке на издание его первой книги «Мечты и звуки». Василий Жуковский, которому молодой поэт показал сборник, посоветовал опубликовать его без имени: «Впоследствии вы напишете лучше и вам будет стыдно за эти стихи».

Что ж, так и вышло! Неудача первой книги, где автор обозначен как «Н. Н.», привела к тому, что Некрасов на пять лет оставил серьезные стихи, он начал писать «эгоистически», только для денег. Но внутренняя, невидимая духовная работа совершалась, вела верным путём к человеку, который даст его литературному дарованию строгую огранку. «Моя встреча с Белинским была для меня спасением!» - вспоминал Некрасов.

Это важно – кто станет твоим литературным родителем, кто однажды воскликнет: «Да знаете ли вы, что вы поэт – и поэт истинный?», кто заложит в тебя эстетические предпочтения и идеалы. Это так же важно, как семья, дом и первая любовь.

Моим литературным учителем стал поэт Валентин Сорокин. В то время, когда мы встретились, среди многих его должностей была и такая – председатель Всероссийского Некрасовского комитета.

Моя встреча с Сорокиным была для меня спасением – конечно, в той мере, в какой можно считать «спасительной» литературную работу вообще: «Стихи мои, - плод жизни несчастливой, / У отдыха похищенных часов...»

Но речь не обо мне, а о том, как тесно, «причинно-следственно», переплетены нити-события-судьбы в русской литературе и как от основных, плодоносящих древ нашей словесности, растут новые побеги. В нежном Есенине заключена смягченная суровость Некрасова, а уж Александра Твардовского, пожалуй, можно назвать Некрасовым XX века – и по вкладу в поэзию, и по его журнальной деятельности. Валентин Сорокин говорил мне: «Андрей Белый, Николай Клюев, Игорь Северянин, Василий Каменский, Велимир Хлебников, Николай Асеев, Владимир Маяковский - ни один акмеист, символист, футурист, ни один высокоодаренный поэт начала двадцатого столетия не миновал Некрасова: творчество

Некрасова - пристань в океане, маяк, посылающий спасительный свет в бурях и метелях русских. Империи рушатся, а поэт незыблем!»

Заседания Некрасовского комитета проходили в библиотеке, носящей имя поэта – тогда она располагалась в самом центре Москвы, рядом с Литературным институтом. Несколько раз там бывала и я – в качестве журналиста, готовящего для «Учительской газеты» публикации «по Некрасову». Здесь я познакомилась с одним из духовных потомков поэта, Владимиром Филипповичем Некрасовым. Нет, не родственник, однофамилец, на зато какой! Генерал-майор внутренних войск, доктор исторических наук, профессор, создатель собственной научной школы, один из биографов Лаврентия Берии... И – исследователь генеалогического древа поэта, коллекционер книг Некрасова, а главное – страстный любитель стихов. Помню его в генеральской форме – высокого, в длинной шинели, в армейской фуражке, сухощавого, резкого в движениях...

Но всё-таки главный город в судьбе Некрасова не Москва, а Петербург. Город, где спешил на службу гоголевский Акакий Акакиевич, где проживало несчастное семейство Мармеладовых, описанное Достоевским, где гвардейский офицер Алексей Вронский мечтал покорить Анну Каренину и где молодой поэт встретил свою «музу мести и печали», так непохожую на легкомысленную античную богиню:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную.
Там били женщину кнутом
Крестьянку молодую.
Ни звука из её груди,
Лишь бич свистал, играя.
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная».

Давно уже нет в России публичных телесных наказаний, а есть публичное выворачивание «интимности» на телеэкране, нет и бурлаков на Волге, тянущих бечевой груженые баржи, а есть среднеазиатские гастарбайтеры, ушло в историческое прошлое крепостничество и право помещицей «первой ночи», но пришла интернет-педофилия, у парадных подъездов сановных вельмож не толкуются «деревенские русские люди» (ещё бы, везде охрана и «пропускная система!»), вместо троек богатые женихи гоняют на иномарках, но стихи Некрасова всё равно берут за сердце! И не только потому, что читая их, ты видишь наглядную картину исторической России – какой она была полтора века назад. В конце концов, учебник истории даст больше фактов и информации. Дело в другом: вся поэзия Некрасова – совестливая! Чувство мятущейся совести – ключевое для понимания его лирики.

Удивительно: Некрасов никогда не был революционером, но его стихи вдохновляли народовольцев и, как бы мы сказали сегодня, «оппозиционеров», на борьбу с несправедливыми общественными порядками, будили среди молодёжи гражданские чувства. Белинский в пору их близкого знакомства исповедовал социализм, но молодой Некрасов не проникся идеологическими построениями знаменитого критика – поэзия совести была для него важнее «теории», пусть даже самой передовой. Когда кипели страсти между лагерями «славянофилов» и «западников», он не занял ни одну из сторон. Тяжелое положение народа, крепостная отсталость России, не сделали из Некрасова либерала и поклонника Запада – бывая подолгу за границей, он воспринимал Европу спокойно и трезво. Не стал он, впрочем, и «ура-патриотом», то есть человеком, воспевающим власти лишь за то, что у них есть власть, и, следовательно, каждый их шаг – «благодатный подарок» для Отечества.

Некрасов первым увидел талант Достоевского (известны его слова: «новый Гоголь явился»), пути их потом разошлись; в заключении после дела петрашевцев автор «Бедных людей» четыре года провел с Библией в руках, единственной разрешенной книгой, но христианские идеи Достоевского никак не отразились на творчестве Некрасова, тогда как художественно-образное воздействие обратного свойства – очевидно. Николай Чернышевский проработал в «Современнике» Некрасова семь лет, он во многом определял направление журнала и умонастроения демократически настроенной интеллигенции, но идеологическое

влияние его совершенно не распространялось на главного редактора. Так, к нашумевшему роману Чернышевского «Что делать?», напечатанному в журнале, Некрасов не выразил никакого определенного отношения. (Эту книгу высоко ценил Владимир Ульянов и многие другие революционеры).

Много лет Некрасов дружил с Тургеневым, восхищаясь его выдающимся литературным талантом, писателей связывала и общая страсть к охоте, и даже сходные коллизии в личной жизни - они их обсуждали в переписке, но в конфликте Добролюбова и Тургенева поэт занял сторону своего сотрудника, «высочки», «мальчишки», «змеи очковой» (такими определениями награждал молодого критика автор «Отцов и детей»). Выбор дался Некрасову нелегко, но он поступил по совести, и до конца жизни молчал, не отвечая на обидные, несправедливые и даже клеветнические выпады бывшего друга.

Лев Толстой только подходил к идее о «непротивлении злу насиллием», а Некрасов давно уже жил по этой программе: не только экономическая логика развития страны ставила вопрос об уничтожении крепостного права, телесных наказаний и труда бурлаков, к этому подталкивали и общественные умонастроения, которые во многом формировал Некрасов. Воистину: поэт есть учитель нации! Некрасов учил, что негоже относиться к миллионам тружеников, как к безгласному скоту, что «не будет сын смотреть спокойно на горе матери родной, не будет гражданин достойный к Отчизне холоден душой», что чаша народного горя полна – «где народ, там и стон». Так, страдающим и горьким словом он «разворачивал» ход истории, укрощая зло жизни.

Но совесть - оружие обоюдоострое – она ранила и самого поэта. Раскольников Достоевского ещё не стал на колени и не принёс публичного покаяния, а Некрасов в стихотворении «Рыцарь на час» уже писал, обращаясь к умершей матери:

Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!

Совесть есть и у богача, живущего во дворце, и у бедняка, ютящегося в лачуге. Чуткая совесть, а не стремление «обличить», жила в социальных стихах Некрасова, и потому их справедливость признавали и «угнетатели», и «угнетённые». Совесть сделала эти стихи бессмертными, во всяком случае, для русской поэзии. Совесть поэта не позволила ему пройти мимо тех, кто ещё не становился героями русской литературы – крестьян: «Передо мной никогда не изображенными стояли миллионы живых существ! Они просили любящего взгляда! И что ни человек, то мученик, что ни жизнь, то трагедия!»

...Моя встреча с Валентином Сорокиным стала для меня спасительной потому, что в 90-е годы XX века, когда в отечественной литературе буйно возрастали «цветы зла», он ненавязчиво вывел меня из лабиринта «самовыражения» на основную дорогу русской жизни. Вывел с помощью примеров из классической поэзии, в том числе и Некрасова:

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая – «страдания народа»,
И что поэзия забыть её должна, -
Не верьте, юноши! не стареет она...

Более того, эта тема и по сей день остаётся самой современной. У меня был знакомый, страстный любитель лирики Некрасова, который несколько раз выигрывал спор, доказывая, что в творчестве поэта можно найти цитаты и высказывания на любой случай жизни. Все оттенки любовного чувства: ревность, восторг, разочарование, умиление, ирония и горечь, гнев и ненависть, отчаяние и надежда – всё есть в «романе в стихах», лирике, посвященной отношениям с Авдотьей Панаевой.

Ну, а что касается жизни социальной, то Некрасов в своих стихах открыл «вечные формулы» российского бытия. «Вот приедет барин, барин нас рассудит!» - это будто про нынешнюю политическую систему. Риторический вопрос: «Кто гражданин страны родной? / Где ты? откликнись! Нет ответа», - хоть сейчас можно вывешивать на любом избирательном участке в России. «О пошлость и рутина – два гиганта, / Единственно бессмертные на свете», - это про современное российское телевидение. «Иди к униженным, / Иди к обиженным - / Там нужен ты», - наказ-наставление для современной интеллигенции и духовенства.

А вот и про наше вступление в ВТО:

Есть и овощ в огороде –
Хрен да луковица,
Есть и медная посуда –
Крест да пуговица!

На теплоходе «Фёдор Шаляпин» мы шли по Волге – реке Некрасова. («О Волга!.. колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?») Волга – река Островского, Репина, Горького, Шаляпина. Какие имена, какие люди! Какая мощь сделанного, свершенного для русской и мировой культур!..

Ширь далеких горизонтов, голубеющий водный простор, зелёные, кудрявые от трав и деревьев, безлюдные берега. И - неуместная мысль вдруг: «Кому же это всё достанется?!..»

Некрасов прав:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная –
Матушка-Русь!

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» - самое масштабное и любимое дитя Некрасова. Она осталась незаконченной, разделив судьбу ещё одной незавершенной поэмы – гоголевских «Мертвых душ». Отсутствие ответа на поставленный в названии вопрос – символично: тройку-Русь до сих пор мотает по колдобинам исторической неопределённости; из монархии – в диктатуру и террор, из социализма - в дичайший капитализм. От кого же нам ждать «воплощение счастья народного?»

Вот что вышло: «второе пришествие» Некрасова уже в наши дни! Кто-то же должен будить совесть в людях и возвращать званию «демократ» настоящий смысл: демократ – значит, за власть народа, за волю большинства.

Некрасов любил людей, любил жизнь и любил делать других счастливыми. Это от щедрости дара и души, от обострённого чувства родины и родной природы («да, только здесь могу я быть поэтом!»), и от того, что главным героем его лирики был русский народ. Потому Некрасову не страшна никакая критика. Пока жив русский народ, он будет петь:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!

Народ будет петь, и даже не подозревать, что «народная» крестьянская песня сочинена Некрасовым. Он, чья «писательская физиономия бесспорна», чьи стихи ни с кем не спутаешь, он, последний великий поэт из господ, растворялся в своих песнях до конца, становясь поистине «каплей народной».

Да, ничего не бывает случайным. Ещё один круг жизни: на литературном вечере в Некрасовской библиотеке я читаю свой рассказ – «Песня года». В нём – зимняя деревня, кот на лежанке, старики у телевизора, крестьянская тоска по настоящему искусству и ушедшая жизнь. ...Всё сошлось, времена сомкнулись:

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...